

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-3-53-64>

Средства выражения иронической экспрессии в рассказах Н. А. Тэффи (к 150-летию со дня рождения)

Олег Евгеньевич Вороничев

Брянский государственный университет имени акад. И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия,
voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7839-6779>

Аннотация. Цель статьи – выявление в рассказах Н. А. Тэффи языковых средств, при помощи которых выражается ироническая экспрессия, и прежде всего тех, которые можно считать приметами идиостиля. Исследование проводилось с применением описательного метода, методов лингвостилистического, семантического и компонентного анализа, а также с использованием элементов статистического анализа. В результате исследования был определен широкий спектр разноуровневых единиц языка, комплексное сочетание которых с различными стилистическими приемами, выявленными в ходе анализа экспрессивной речевой структуры юмористических текстов, способствует достижению максимального комического эффекта. В статье сделаны выводы о том, что в юмористических рассказах Н. Тэффи тонкая ирония как доминантная экспрессивная окраска текста и основная примета идиостиля создается при помощи самых разнообразных языковых средств, которые можно условно разделить на две группы: основные юморообразующие и фоновые, способствующие наиболее рельефному проявлению иронического комизма. К первой группе относятся некаламбурные и каламбурные средства выражения иронической экспрессии. Из некаламбурных средств для идиостиля Тэффи характерны элементы стилистики абсурда, парадокс, оксюморон, метафора, метонимия и синекдоха, хиазм, перифраза, аллюзия, эллипсис, параллелизм, сравнение, рефрен, кардинальная трансформация фразеологизмов. Из каламбурных средств выражения иронии Тэффи прибегает к единицам языка и речи с тождественным и со сходным планами выражения. В качестве лексической основы семантизированных каламбуров используется полисемия, узуальная и окказиональная омонимия, а из лексических и лексико-фонетических средств экспликации фонетизированных каламбуров – узуальная и окказиональная паронимазия, реже – омофония. Для достижения иронического каламбурного эффекта автор нередко прибегает к амфиболии и буквализации фразеологизмов. Вторую группу составляют вспомогательные средства создания иронического колорита: имитация детской речи, прием речевого саморазoblачения, цитация, макароническая речь, разговорно-просторечная фразеология, просторечные слова и устаревающие грамматико-орфоэпические варианты, «говорящие» и пародийные фамилии.

Ключевые слова: Н. А. Тэффи, ирония, экспрессия, языковые средства, юмористический рассказ, комизм

Для цитирования: Вороничев О. Е. Средства выражения иронической экспрессии в рассказах Н. А. Тэффи (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 3. С. 53–64. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-83-3-53-64>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The means of conveying ironic expressivity in N. A. Teffi's short stories (to the 150th anniversary of the birth)

Oleg E. Voronichev

Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University, Bryansk, Russia, voonid@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7839-6779>

Abstract. The article aims to identify the linguistic means (first of all those which can be considered as marking the writer's individual style) employed in N. A. Teffi's short stories to convey ironic comicality. The research was performed with the use of the descriptive, linguostylistic, semantic methods, componential analysis, and elements of statistical analysis. As a result, the undertaken study made it possible to identify a wide range of linguistic units belonging to different linguistic levels. The combination of these units and various stylistic devices which were revealed while analysing the expressive speech structure of humorous texts results in the maximal humorous effect. The paper concludes that subtle irony viewed as the dominant expressive colouring of the text in humorous stories by N. Teffi and the device that marks her individual style is created with the help of various linguistic means. These means can be roughly divided into two groups: the basic humour-building and background ones. The latter group facilitates a more obvious manifestation of ironic comicality. The first group includes pun and non-pun means of conveying ironic expressivity. As for non-pun linguistic means, elements of the stylistics of the absurd, paradox, oxymoron, metaphor, metonymy and synecdoche, chiasmus, periphrasis, allusion, ellipsis, parallelism, simile, refrain, radical transformation of phraseological units are characteristic of Teffi's individual style. With regard to the means of expressing irony build on pun, Teffi employs units of language and speech with identical and similar expression planes. Polysemy, usual and occasional homonymy in combination with such lexical and lexical-phonetic means of explication of phonetized puns as usual and occasional paronomasia and – more rarely – homophony form the lexical basis of semanticised puns. The author often uses amphibology and the literalization of phraseological units to produce ironic punning effect. The second group includes auxiliary means of creating ironic effect: imitation of children's speech, the technique of speech self-disclosure, citation, macaronic language, spoken colloquial phraseology, colloquialisms and obsolescent grammatical orthoepic variants, charactonyms and parodic surnames.

Keywords: N. A. Teffi, irony, expression, linguistic means, humorous story, comicality

For citation: Voronichev O. E. The means of conveying ironic expressivity in N. A. Teffi's short stories (to the 150th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(3):53–64. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-3-53-64>.

Введение. Рассказы «королевы смеха» Надежды Александровны Лохвицкой, более известной под псевдонимом Тэффи, уже второе столетие привлекают взыскательных читателей и филологов отточенностью слога, меткостью наблюдений и искрометностью юмора. К приметам идиостиля Тэффи следует отнести простоту и изящество фраз, выражающих мысли, которые рождаются, казалось бы, легко и непринужденно, но при внимательном прочтении поражают глубиной и оригинальностью. В текстах трудно заметить какие-либо стилистические швы: настолько гармонично соединение предложений, абзацев, диалогических реплик, сквозь которые проглядывает образ талантливого, наблюдательного и широко эрудированного автора. За кажущейся простотой повествования чувствуется напряженная работа ума и творческого воображения. По таким фразам, как *Шла я как-то вечером по Невскому. Было уже темно. Зажгли фонари. На небе тоже стемнело, и зажгли*

*звезды («Изящная светопись»)*¹ и им подобным оригинальный стиль Тэффи вполне узнаваем на фоне стилей других русских писателей-классиков.

Юмористические рассказы Тэффи имеют преимущественно ироническую экспрессивную окраску, что подтверждают многие исследователи². Изучению иронии как феномена

¹ Здесь и далее произведения Н. А. Тэффи цит. по: *Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: сборники рассказов; Прочее / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 480 с.*

² См. также: *Бересток С. В. Средства выражения оценочных значений в художественной речи Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой): дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2002. 281 с.; Шербакова А. В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Черного): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: Ивановский гос. ун-т,*

экспрессивной речи, известного еще во времена Платона и Аристотеля, посвящено немало литературоведческих и собственно лингвистических исследований [Николина 1979; Походня 1989; Козинцев 2007; Яковенко 2011; Ермакова 2013; Шкицкая 2019; и др.]³. Специфика этого вида комического в том, что он «характеризуется наличием определенной оценочной структуры, в пределах которой происходит перемена оценочного компонента с положительного на отрицательный» [Николина 1979: 79]. Однако в силу того что смех, в частности иронический, «способен постоянно варьировать свой образ, а следовательно, и свою функцию» [Арутюнова 2007: 8] (при этом значительную роль играет ироническая интонация, ведь, выражаясь словами самой Тэффи, «вне интонации смысл утрачивается» («Разговоры»)), в лингвистике «дискуссионным остается вопрос, какие элементы высказывания могут служить сигналами иронической интенции и какие свойства высказывания или целого текста позволяют адресату распознать иронию»⁴. Вместе с тем сам термин «ирония» не имеет единого понимания в филологии. Среди различных его интерпретаций наиболее отчетливо противопоставлены две:

1) категория комического, в одном ряду с юмором, сатирой и сарказмом (хотя термин «юмор» часто используется и как родовое наименование всех видов комизма, т. е. как синоним понятия *смешное*,

2007. 23 с.; Бочкарёва Е. В. Комическое в художественном мире Н. А. Тэффи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2009. 21 с.

³ См. также: Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2001. 173 с.; Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. 399 с.; Булатая Е. В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя и их немецкоязычного перевода): дис. ... канд. филол. наук. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. 224 с.

⁴ Шилихина К. М. Указ соч. С. 5–6.

что представляется вполне допустимым); 2) троп, «состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки»⁵ (в этом значении термин «ирония» синонимичен терминам «антифразис» и «энантисосемия»). Не вызывает возражений и продуктивная функционально-когнитивным подходом к языку прагматическая двуплановая оценка иронии: как инструмента мышления и в то же время языкового явления, «основная функция которого – выражение отношения к несоответствию между ожидаемым и наблюдаемым положением дел» [Шилихина 2010: 228]. Всё это доказывает объективную сложность, многоплановость и неоднозначность понятия *ирония*.

С нашей точки зрения, лингвистическая трактовка этого феномена экспрессивной речи должна опираться на собственно языковые критерии и уровни языковой системы, при этом, как верно замечает С. И. Походня, должны разграничиваться два метонимически связанных понятия: «ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых единиц языка» [Походня 1989: 97]. С учетом всей неоднозначности иронии представляется возможным определить ее (в самых общих чертах) с позиций лингвистистики как имплицитную некатегоричную негативную оценку описываемого при помощи языковых средств создания комизма.

Методы. В работе использованы описательный метод научного исследования, методы лингвистического, семантического и компонентного анализа, а также элементы статистического анализа.

Описательный метод применялся при сборе и систематизации языкового материала, характеристике его структуры и состава, определении функциональной, лингвистической и семантико-смысловой специфики.

Метод лингвистического анализа использовался при исследовании жанрово-стилистических и индивидуально-авторских особенностей языка юмористических текстов Тэффи.

⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 185.

Семантический и компонентный методы языкового анализа применялись с целью выявления семантики различных единиц языка в идиостиле Тэффи.

Элементы статистического анализа применялись при установлении количественного соотношения и частотности употребления в исследуемом идиостиле различных языковых средств создания иронической экспрессии.

Анализ. В произведениях Тэффи ирония выражается и воспринимается в органичном комплексном взаимодействии весьма разнообразных, разноплановых языковых средств. При этом ирония, как правило, мягкая, нередко имеющая оттенок легкой грусти и сопереживания. Автор с присущим ему чувством такта и представлением о мере и целесообразности смеха хорошо понимает, что «ирония вообще имеет цену и смысл, если она рождается из горечи, если она оплачена сочувствием, иначе она становится холодным и разрушительным цинизмом, который всегда прав, как безусловный инстинкт» [Губайловский 2003]. Поэтому ирония Тэффи редко доходит до сарказма, но зачастую граничит или тесно взаимодействует с сатирой — тоже преимущественно мягкой, а не безжалостно бичующей пороки отдельных людей-персонажей и всего современного автору общества. Стимулом неослабевающего читательского интереса к произведениям Тэффи служит тот факт, что проблематика большинства рассказов актуальна и сегодня, т. е. в фокусе внимания чаще всего «вечные объекты» иронии: социально значимые проблемы, быт, характеры и поступки людей. Так, поражает своей острой актуальностью и для нашего времени рассказ «Рекламы», в котором ирония искусно сочетается с сатирой, и многие другие.

Примеров остроумных иронических высказываний в юмористических произведениях Тэффи — огромное количество, но в рамках данной статьи мы можем привести лишь некоторые из тех, что, с нашей точки зрения, наиболее характерны для идиостиля писателя:

К нашим услугам был только узенький кожаный диван, набитый, судя по эластичности, камнями Арагвы, причем, вероятно, тщательно выбирались наиболее острые. К стене — скат, посредине — провал, из недр которого прямо на зрителя вылезает большой гвоздь острием

вверх. Таково было ложе, уготованное для нас, ложе, которому бы позавидовал сам Прокруст («Горы»);

— Ничего, няничка, вы теперь исповедались, все грехи батюшке попу отпустили. Теперь ваша душенька чиста и невинна.

— Да, черта с два! Отпустила! («Покаянное»);

Поблизости оказалась хозяйская тетка и бутерброды с ветчиной. Тетка была молчалива, но ветчина, первая и вечная Володина любовь, звала его к себе, манила и тянула. («Донжуан»);

Он взял ванну, причем, вопреки обыкновению, очень деликатно выругал матроса только скотиной и подлой душой... («Святой стыд»);

А вот роман другого полюса. Героине двенадцать лет. Чувствуется досада автора, что ей не три года. («Французский роман»).

Стоит заметить, что в творческом наследии Тэффи есть и остросатирические, «на злобу дня», произведения или отдельные высказывания (*Молчать! Циркуляр разъяснили? — Ой, как разъяснили! Всё до последнего кабана разъяснили*) («Новый циркуляр»), и рассказы, которые проникнуты не иронией, а состраданием к ребенку или взрослому, его социальному статусу, проблемам и переживаниям («Дедушка Леонтий», «Неживой зверь» и др.).

В текстах юмористических (этот термин мы используем в широком понимании, т. е. как родовое обозначение всех видов комического, включая иронию), интересующих нас в рамках данной статьи в большей степени, наблюдения Тэффи над жизнью, характерами и поступками людей во многих случаях выражаются в изящных иронических полунамеках и иносказаниях, порой настолько тонких и беззлобных, что они способны вызывать у читателя не столько смех, сколько сочувствие. Так, в рассказе «Проворство рук» одна только фраза *Фокусник напялил длинный сюртук, с каждой гастролью становившийся все шире...*, иносказательно описывающая прогрессирующее похудение владельца сюртука вследствие постоянного недоедания, вполне определенно охарактеризовала три наиболее значимых в жизни этого персонажа, тесно взаимосвязанных показателя: бедственное материальное положение, отсутствие таланта и успеха у публики.

Все средства языка, при помощи которых в произведениях Тэффи выражается ироническая экспрессия, могут быть условно

дифференцированы на **некаламбурные** и **каламбурные**.

Из некаламбурных экспрессивных средств писатель нередко использует для создания речевого портрета персонажа, в том числе малообразованного или псевдоэрудированного (преимущественно в диалогах, так как юмористические рассказы Тэффи насыщены диалогической речью — и это еще одна идиостилевая черта), элементы **иронической стилистики абсурда** (путаницы) по типу «Вдруг из-под собаки лают ворота»:

— Я недавно из провинции и, простите, в опере еще ни разу не был. Леонида Андреева на балайке слышал. <...>. Потом обещал приехать Владимир Тихонов... этот, кажется, на рояле. Еще хотели мы Немировича-Данченка. Я к нему ездил, да он отказался петь. («Концерт»);

Все лето мучилась, а спроси, так и теперь не знаю, сколько в килограмме аршин, то бишь марок. («Курорт»);

Николай Коньков был ребенком (кто из нас не был ребенком?). Он был, собственно говоря, даже более чем ребенок, так как ему было уже тридцать пять лет, когда он приехал в Петербург в одну из вышеописанных ужасных рождественских ночей. Правда — ни мороза, ни метели в эту ночь не было, так как дело происходило в середине июля месяца. Да и ночи, собственно говоря, тоже никакой не было: поезд пришел ровно в 10 утра. («Страшный ужас»).

Ирония абсурда стала также стилистической основой рассказа «С незапамятных времен», фрагмента рассказа «Знакомые» и финала в рассказе «В магазинах»:

Потом она выходит на улицу, долго моргает, приложив палец к виску, и не может понять — кто она, зачем сюда попала, что нужно еще купить и, главное, где она живет.

— Извозчик! Алло! 127–51, тридцать копеек... Ну, чего смотришь? Не хочешь — не надо. Другого возьму.

С ироническим абсурдом в рассказах Тэффи тесно соседствует **иронический парадокс**. На этом стилистическом приеме строятся, например, рассказы «Аэродром», «Публика», «Свои и чужие»:

— Удивительное дело! Видите меня первый раз в жизни, а кричите на меня, точно я вам родной брат! Черт знает, что такое!

Второй раз я слышала, как одна молодая дама хвалила своего мужа и говорила:

— Вот мы женаты уже четыре года, а он всегда милый, вежливый, внимательный, точно чужой! («Свои и чужие»).

С парадоксом в свою очередь тесно граничит **иронический оксюморон**: *Вот именно в этом отношении и не повезло бедному богатому Вилли Броуну («Два Вилли»);* оксюморонным у писателя может быть уже само название рассказа — «*Предсказатель прошлого*».

Среди других характерных для стиля Тэффи приемов создания комизма можно выделить:

ироническую метафору:

В голове у него было пусто, в ушах звенело, *в сердце тошило*. («Концерт»);

Милый, милый Пыфнутьев! Ты хороший семьянин и, верно, добрый человек. Как жаль, что *твое сердце тоже грызет маленькая мышка честолюбия*. («Горы»);

ироническую метонимию:

Дурак глубоко презирает то, чего не знает. Искренно презирает. <...>

— Бальмонта? Не знаю. Не слышал такого. Вот *Лермонтова* читал. А Бальмонта никакого не знаю.

Чувствуется, что виноват Бальмонт, что дурак его не знает. («Дураки»);

ироническую синекдоху:

Ни одной революционной песни не знает, а туда же лезет в провокаторы. Ныл, ныл... Вот, спасибо, городской, бляха № 4711... Он у нас это все, как по нотам... Слова-то, положим, все городские хорошо знают, на улице стоят, — уши не заткнешь. Ну, а эта *бляха* и в слухе очень талантлива. Вот взялся выучить. («Корсиканец»);

Но *маска* попытается, прячет руки и молчит, пока не удостоверится, что узнала раз навсегда и бесповоротно. («Маски»);

иронический хиазм:

Колька Маслов, товарищ и единомышленник, сидел тут же и курил папиросу, пока что навыворот — не в себя, а из себя; но в сущности — не все ли равно, кто кем затягивается — *папироса курильщиком, или курильщик папиросой*, лишь бы было взаимное обшение. («Донжуан»);

Всюду прибиты дощечки с самыми странными надписями, предугадывающими и запрещающими самые неожиданные ваши желания. «Медведя покорнейше просят зонтиком не

дразнить». «Не совать окурков верблюду в нос» тоже «покорнейше просят господ посетителей». <...> Администрация прекрасно знает, что никому не придет в голову дразнить верблюда зонтиком или совать окурки медведю в нос. Поэтому это и не запрещается. («Сезон бледнолицых»);

ироническую перифразу:

Он с завистью прислушивался... и думал: «Ишь, мерзавец, старикашка! На вид *ходячая панихида*, а как развернулся...» («Публика»);

ироническую аллюзию — например, в рассказе «Визитёрка»:

Тоска у нее была такая, что я в первый раз пожалела, что нет у нас порядочного клуба самоубийц (аллюзия к роману Р. Стивенсона «Приключения принца Флоризеля»);

иронический эллипсис:

В первом ряду, на обычном месте, тускло блестел и переливался цилиндр.

Она склонила голову.

— Ave Caesar!

И медленно поднялась наверх, под самый купол цирка.

Сейчас! Сейчас! («Страшный прыжок»).

В этом рассказе пародийного содержания воспроизведена только первая часть прецедентного высказывания. Вторая часть крылатого латинского выражения *Ave, Caesar, morituri te salutant* («Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»), служившего в Древнем Риме ритуальным приветствием гладиаторов императору на арене цирка перед смертельным поединком и хорошо известная всякому образованному читателю, намеренно пропущена автором с целью создания наивысшего кульминационного напряжения, усиления эффекта обманутого ожидания в развязке иронического сюжета;

иронический параллелизм:

Отдали ли вы все визиты, которые должны были отдать?

Получили ли все визиты, которые должны были получить? («Визитёрка»);

ироническое сравнение, нередко с использованием образов животных:

Вышли на подъезд. Чернявый впереди, спотыкаясь и суетясь, за ним Котомко, как *баран, покорный и завитой*. («Концерт»);

Софья Ивановна, размахивая зонтиком, как *индеец томагавком*, исполнила даже с неожиданной грацией какой-то замысловатый танец. («Горы»).

Для выражения всё той же иронии использует Тэффи и некоторые «избитые» сравнения, обнажающие духовно-нравственный облик и/или невысокий культурно-образовательный уровень персонажа посредством его речевой характеристики:

У входа в ресторан Жан долго умилялся картиной природы и говорил, что весной пробуждается жизнь.

— Какая красота! — твердил он. — *Река точно серебро! Берега точно изумруд! Небо точно бирюза!.. Горизонт — точно золото!* («Из весеннего дневника»).

Однако в юмористических текстах Тэффи есть и подлинно художественные сравнения, поражающие способностью автора воспринимать, обнаруживать черты сходства предметов или явлений и метко и образно описывать красоту окружающего мира. Эти метафорические сравнения могут иметь оттенок местного колорита, как в рассказе «Горы»:

Робко, стыдливо, словно сдернувшие чадру восточные красавицы, проглянули силуэты гор... Солнце поднимается выше, посылает лучи горячее... Вот они, горы! И не такие, как вчера: они стали легкие, воздушные, чистые в девственно белых покрывалах, словно надетых для утренней молитвы.

Для усиления комического эффекта и подчеркивания его иронической направленности в юмористических текстах Тэффи используется **рефрен**:

А жилец, Петр Дмитрич-то, очень заступается. *Прямо горой за Лешку*. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адепт, его и ругать нечего. *Прямо-таки горой за Лешку*. («Выслужился»).

При помощи многократных повторов слов или выражений, которые в развитии сюжетов в юмористических текстах Тэффи фактически становятся ключевыми, выполняется текстообразующую функцию, передается ироническое отношение автора к описываемым персонажам и событиям. Так, в рассказе «Тонкая психология» в прямой

и несобственно-прямой речи главного героя — горе-ловеласа Гуслинского — 12 раз используется обличающее его интеллектуальный уровень и речевую манеру слово *преспокойно*, узуальная семантика которого резко контрастирует с семантикой контекстуального окружения. В «Светской колее» ключевую роль играет ставший объектом иронии автора «дежурный» вопрос *Как вы вообще?* (используется 5 раз), который принято задавать знакомым людям в соответствии со светским этикетом. В рассказе «Из весеннего дневника» иронический комизм создают повтор фразы *Жан поставил его/ее на место* или ее ситуативные трансформанты (в неизменном или частично трансформированном виде она обыгрывается в тексте 8 раз):

Он и на этот раз стал что-то очень глупо острить насчет моего зонтика, но *Жан* сразу поставил его на место (конечно, Васеньку, а не зонтик) —

здесь повтор имеет контекстуальный амфиболический оттенок;

С одной дамой-визави сделался легкий обморок. Но *Жан* поставил ее на место, и она вылезла на полном ходу;

Мы прошли на веранду, и лакей спросил, что мы желаем на ужин. Но *Жан* сразу поставил его на место, заказав три стакана морсу;

На обратном пути Васенька напоролся на крупную рыбу и потерял весло. Пришлось *стать* лодочника на место, потому что он запросил за весло очень дорого.

И др.

Выразительным средством создания ситуативного иронического комизма в произведениях Тэффи нередко служит **трансформация фразеологизмов и прецедентных высказываний**. Например, в рассказе «Горы» поговорка *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* подвергается настолько кардинальному преобразованию, что более корректно было бы говорить о почти аллюзивном использовании образа прецедентного высказывания:

Милые горы! Будьте всегда такими и, главное, прошу вас, никогда не ходите на зов Магометов, потому что...

Ср.: фразеологизм *круглый дурак* в рассказе «Дураки» также подвергается ироническому

переосмыслению и трансформации в трех вариантах:

И почему дурак чем дурее, тем круглее;

Чем культурнее страна, чем спокойнее и обеспеченнее жизнь нации, тем круглее и совершеннее форма ее дураков;

Один лично мне знакомый дурак, самой совершенной, будто по циркулю выведенной, круглой формы, специализировался исключительно в вопросах семейной жизни.

Для достижения иронического эффекта писатель иногда использует и **гиперболизированную форму мн. числа**: *Никто не может знать, что вообще в мартах бывает* («Семейный аккорд»).

Каламбурные средства выражения иронической экспрессии в исследуемых нами произведениях уступают в количественно-частотном отношении некаламбурным, так как, по-видимому, Тэффи отвергала игру слов, не вписывающуюся в контекст ее тонкой иронии. Поверхностное, не подкрепленное решением конкретных художественных задач остроловие используется в тексте только как объект авторской иронической насмешки. Например, откровенно высмеиваются любители такой неутонченной игры слов, построенной на окказиональной омонимии, в рассказе «Острижки»:

Последний, самый скверный, но и самый распространенный, вид острижков, это — острижки словами. Это те самые, которые, предлагая горчицу, говорят:

— Не желаете ли *огорчиться*?

Вместо «я напился чаю» — «я уже *отчаялся*».

Или так:

— Если ты — *Соня*, так отчего же ты не идешь спать?

— Ваш брат разве очень *колется*?

— Что такое, ничего не понимаю!

— Ну, да ведь вы же сами назвали его «Коля».

— Вас зовут *Маня*, наверно, потому, что вы так всех к себе *маните*.

— Вас зовут *Вера*, а вы меня надули!

Тем не менее удачных иронических каламбуров и текстовых фрагментов, которые можно считать каламбурными в соответствии с нашим широким пониманием каламбурности⁶, в творческом наследии

⁶ Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПУ, 2014. 723 с.

Тэффи немало. «Арсенал» каламбуробразующих средств также весьма разнообразен.

Среди языковых средств создания иронических **семантико-фонетических каламбуров**⁷ в юмористических рассказах Тэффи закономерно лидирует **полисемическая аттракция** (поскольку многозначность — наиболее частотная лексическая основа семантизированной каламбурности).

Чаще всего сталкиваются **прямой и переносный** лексико-семантические варианты:

— Ленора! — умоляюще воскликнул он (клоун. — О. В.): — Ленора! Откройте мне, какую штуку вы готовите?

Она (акробатка. — О. В.) подняла свои побледневшие брови и, жутко отчеканивая, сказала:

— *Головоломную.* («Страшный прыжок»);

Неужели вы думаете, что цирк не был бы занятен для молодой лошади? Ей было бы очень интересно следить за упражнениями своих товарищей, а над клоунскими остротами она *ржала* бы так же усердно, как галерка. («На серьезную тему»).

Полисемическая аттракция как значимый компонент иронической экспрессии может возникать у Тэффи также в результате взаимодействия **свободного и фразеологически связанного** значений:

В прошлом году, говорят, расстреляли одного учителя за то, что тот очки носил. Ей-Богу! Ему говорят: «снимите очки». А он говорит: я, мол, ничего не могу *невооруженным* глазом. Вот его за вооружение глаз и расстреляли. («Утешитель»).

В силу объективных внутриязыковых причин — семантического разрыва между оппозициями — еще более эффективны у Тэффи каламбурные фрагменты текста, построенные на **лексической омонимии:**

узуальной:

А этот чудный аромат распускающихся *почек!*.. *Veau-frege* Васенька потянул носом и с уважением произнес: — Ну! И нюх же у тебя! Действительно, на веранде кто-то *почки* в мадере уплетает. («Из весеннего дневника») —

и **окказиональной**, служащей лексической основой приема псевдоэтимологизации:

Русская ширь степей... *Степенная* ширь. («Концерт»);

Я помню, мне рекомендовал приказчик книжного магазина для девочки семи лет: «*Сластолобивая* Соня». Глубоко нравственная история начиналась следующими словами: «Маленькая Соня была очень *сластолобива*. Однажды она съела все вишневое варенье, которое с трудом и заботами сварила для своих друзей ее добрая мать». («Предпраздничное»).

Из языковых/речевых средств выражения **фонетико-семантических каламбуров**⁸ преобладающей лексической основой иронической экспрессии в рассказах Тэффи является **парономазия**. Среди паронимов, которые используются преимущественно как пародийное средство самохарактеристики персонажа или его оценки со стороны, также есть:

узуальные:

Гриша все больше и больше возмущался уса-той Варварой.

— Когда она утром стучит в мою дверь ланитами, у меня потом весь день нервы расстроены.

— Ха-ха! — визжал Вася. — *Ланитами!* Он хочет сказать — *дланями.* («Книга Июнь»);

Она так скромна, что краснеет даже при слове «*омнибус*», потому что оно похоже на «*обнибус*». («Жизнь и воротник») —

и **окказиональные**, образованные скорнением или междусловным наложением. Они могут выполнять в тексте функцию ключевых, юморобразующих слов, как, например, в рассказе «Де», в финале которого **окказиональный паронимаз дедуракация** выступает в контексте как ироническая пародийная реакция на используемые недостаточно образованным главным героем, выгнанным *из гимназии без права поступления*, **окказиональные псевдотермины** *деблохизация*, *демухизация*, *дезахарьезация* (от названия улицы *Захарьевская*), *деблохизированная дератизация*, *детараканизация*, *десобакация* (по образцу терминов «дезинфекция», «дезинсекция», «дератизация»): *Привозить такую дрянь, да еще с бахчей, да еще в холерное время. Свинья! Прописать бы ему здоровую дедуракацию!*

Окказиональная паронимазия стала лексико-стилистической основой текста «Взамен политики». В соответствии с отраженным в заглавии авторским замыслом (его можно было бы сформулировать так: играть

⁷ Вороничев О. Е. Указ. соч. С. 139–141.

⁸ Вороничев О. Е. Указ. соч. С. 141–144.

словами всё же гораздо увлекательнее, безопаснее и полезнее для ума и воображения, чем вести политические игры) рассказ построен прежде всего на каламбурном разложении слов на значимые составляющие по принципу гендиадиса, иногда с оттенком омофонии (*Дубровин* / имплицитный оппозиит *дуб ровен* /, а не *осина-одинакова*) или окказиональной омонимии (*чертить*, а не *дьяволить*), игровом подборе оппозитивов — окказиональных паронимазов и псевдоэтимологизации:

В комнату влетел краснощекий третьеклассник гимназист, чмокнул на ходу щеку матери и громко закричал:

— Скажите: отчего гимн-азия, а не гимн-африка. <...>

— Ну, давай тарелку: я тебе котлету положу.

— Отчего кот-лета, а не кошка-зима? — деловито спросил гимназист и подал тарелку.

— Его, верно, сегодня выпороли, — догадался отец.

— Отчего вы-пороли, а не мы-пороли? — запихивая в рот кусок хлеба, бормотал гимназист.

Далее в рассказе используются образованные в результате такого же игрового переразложения по антонимическому принципу окказиональные оппозитивы *пан-талони*, а не *хам-купоны*, *вино-ват*, а не *пиво-ват*, *вино-вата*, а не *пиво-хлопок*, *живу-зем*, а не *помер-зем*, *обни-мать*, а не *обни-отец* и др.

Окказиональная паронимазия может быть также с оттенком окказиональной антонимии:

Ну да, *тошу*. Не понимаю, что вас удивляет! Ведь раз существует понятие о земной толще, то должно существовать понятие и о земной *тоще*. («Публика»).

Особый, хотя сравнительно небольшой лексический пласт в юмористических текстах Тэффи, написанных свыше ста лет назад, составляют историзмы времени (*конка*, *бонбоньерка*, *суффражистка*, *журфикс*, *околоточный* и т. п.) и архаизмы времени, среди которых есть и паронимазы: *От большой злобной тоски принимают они чаще всего облик собаки, потому что тогда можно выть на луну, а им свою тоску избыть, извыть надо* («Оборотни»). В этом контексте эксплицитную парониматическую аттракцию создают устаревший глагол *извыть* (отмечен у Даля: «ИЗВЫТЬ

душу, исплакать, выплакать; изныть выть-емь, плачемь, слезами»⁹) и его оппозиит *избыть* (освободиться, избавиться от кого-, чего-л.), который уже в ТСУ¹⁰ определен как *устар.* и *народно-поэт.*

К сказанному о лексических средствах создания фонетико-семантических иронических каламбуров следует добавить, что аттракция собственно паронимов, однокоренных синонимов или антонимов встречается в рассказах Тэффи крайне редко: *Тонкая интрига заплетается, расплетается* («Маски»), — и это объясняется, по-видимому, интуитивным или сознательным игнорированием автором слов, обладающих объективно меньшей — в сравнении с паронимазми — потенциальной способностью к контрастному столкновению.

Наряду с названными лексическими средствами выражения иронической каламбурности в анализируемых юмористических текстах используются различные приемы создания каламбурного эффекта, из которых для идиостиля Тэффи наиболее характерна **ироническая амфиболия**. Например, на ней основан фрагмент рассказа «Выслужился», главный герой которого — *мальчик для комнатных услуг* Лешка, — оказывая фактически медвежью услугу, пытается выгнать кошку из комнаты, где жилец гостиницы дома из-за такого «рвения» никак не может уединиться с дамой. При этом речь Лешки для усиления комического эффекта писатель делает нарочито амфиболической: его категоричные высказывания о кошке смущенная дама сначала принимает на свой счет:

— Я те, проклятая! Я те покажу шляться! Я те морду-то на хвост выверну!

На жильце лица не было.

— Ты с ума сошел, идиот несчастный! — закричал он. — Кого ты ругаешь?

— Ей, подлой, только дай поблажку, так после и не выживешь, — старался Лешка. — Ею в комнаты пускать нельзя! От ей только скандал!

Амфиболическую семантико-стилистическую природу имеет комизм в рассказе «Анафемы», поскольку основан на

⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И—О. М.: Рус. яз.—Медиа, 2007. С. 16.

¹⁰ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Стб. 1143 (ТСУ).

взаимодействии, каламбурном столкновении на протяжении всего текста разных значений слова *анафема*: конфессионального терминологического (осуждение церковью, отлучение от нее) и просторечного бранного. Амфиболия служит одним из средств создания иронического комизма также в рассказах «О нежности» и «Факир»:

– Ишь, собачиша! – сказала раз нянька. И мы не поняли, о ком она говорит – о сановнике или о его собаке. («О нежности»);

И что значит «разрешено полицией без испытания боли»? То ли, что полиция разрешила, если не будет факиру больно, или просто выдала ему разрешение, не отколотив предварительно в участке? («Факир»).

Окрашиванию текста в иронические тона в произведениях Тэффи также способствует **дефразеологизация** (буквализация фразеологизма):

С ума сойдете! Прямо с ума сойдете!

– Зачем мне *с ума сходить*, – иронизирует мадам Шранк. – Я лучше *схожу* к Ралле, куплю цветочный одеколон. («За стеной»).

Ироническая экспрессия, которая весьма «многолика» в формах выражения, создается Тэффи не только при помощи проанализированных выше единиц и фигур языка и речи. Помимо этих основных некаламбурных и каламбурных средств создания иронического комического эффекта используются и разнообразные другие, в том числе:

имитация детской речи:

– Не молань, а молаль! – поправил председателя тоненький голосок из толпы. <...>

– И стоб позволили зениться, – пискнул тоненький голосок. («Переоценка ценностей»); Толстый Тюля вздохнул и прошептал:

– Плогнал! («Страшная сказка»);

речевое саморазоблачение:

Но тут вмешался кондуктор.

– Како тако обчество? Мы уже второй год, как в город перешедчи. Не обчество, стало, а городские. («Из весеннего дневника»);

цитация:

«Что слава? Яркая заплата на бедном рубище певца!» («Концерт»).

Эта же цитата из стихотворения Пушкина используется как деталь речевого портрета персонажа в рассказе «Широкая масленица»;

макароническая речь:

– Pardon! – вставила моя соседка. – Вы что-то сказали о поэтах... Я не совсем поняла. <...> Зажигаем лампадку, няня садится на ковер, дети вокруг. *C'est poetique!*. («Нянькина сказка про кобылью голову»).

¹Это поэтично [фр.].

Заметную роль в создании иронической экспрессии в юмористических текстах Тэффи играет и неповторимый колорит русской **фразеологии** конца XIX – начала XX в., используемой в основном в качестве средства речевой характеристики персонажей – как правило, представителей простого народа:

Сапоги ему купила, *не нито, не едено*, пять рублей отдала. За куртку за переделку портной, *не нито, не едено*, шесть гривен содрал... <...> Ишь, *черт несоленый!* («Выслужился»);

Молодая кость на зубах хрустит, а старая попереk горла становится. («Покаянное»).

И др.

С разговорной и просторечной фразеологией при создании иронических речевых портретов героев у Тэффи тесно взаимодействуют такие «фоновые» средства языка, как просторечные слова и устаревающие грамматико-орфоэпические варианты, сохраняющиеся в народно-поэтической и/или разговорной речи:

«Так я же вас! – взвинчивался капитан. – Какие равноапостольные *хари*, скажите пожалуйста!...» («Святой стыд»);

Кофий люблю да с прислугами ссорюсь. («Покаянное»);

Ходила *намедни* к *дилектору*, так тот велели, чтоб по латыни его *прижучить*, да еще, говорит, *шкурьте* его, как следует, по географии. («Репетитор»); и т. п.

Прослеживаются и авторские предпочтения в выборе собственных имен. Например, своих героинь Тэффи чаще всего называет Катеринами («Катенька», «Книга Июнь», «Донжуан», «Неживой зверь», «Лунный свет», «Пуговица» и др.). Однако

обычные русские имена и фамилии в рассказах сами по себе еще не являются ироническими сигналами. Иронический характер носят так называемые **говорящие фамилии** («эхо» традиций классицизма и произведений Гоголя и Чехова), которых у Тэффи сравнительно немного. Например, уже в самом начале рассказа «Анафемы» читатель получает некое представление о характере главного героя – дьякона – по его фамилии *Владыкесвоемушуйцулобызьяценский*. Ср.: купец *Мясорыбов* («Факир»), лавочник *Саморылов* («Завоевание воздуха»), юморист *Киньрустин* («Публика»). «Говорящие» топонимы встречаются в рассказах Тэффи гораздо реже: город *Несладск* («Неудачник»).

В ироническом употреблении собственных имен есть и более интересные нюансы: например, в том же рассказе «Факир» фамилия персонажа *пан Врушкевич* является, по-видимому, завуалированной реакцией автора на политический «фон» того времени – карикатурным параномазом фамилии популярного и одиозного в дореволюционной России политика Владимира Пуришкевича, выдающегося оратора, депутата Государственной Думы II, III и IV созывов. Наше предположение отчасти подтверждается тем, что «его удостаивали вниманием в своих произведениях сатирики», «он становился героем карикатур и фельетонов...»¹¹.

Выводы. Мягкая и тонкая ирония как доминантная экспрессивная окраска текстов и главная примета идиостиля Н. Тэффи создается при помощи комплексного применения самых разнообразных языковых средств, которые можно условно разделить на две группы: основные юморообразующие и фоновые.

В первой группе в свою очередь логично различать некаламбурные и каламбурные языковые средства выражения иронической экспрессии. При этом предпочтение отдается некаламбурным средствам, что объясняется аксиологическими и когнитивными особенностями художественного

мировосприятия писателя. Из некаламбурных средств для идиостиля Тэффи характерны элементы стилистики абсурда, иронический парадокс и оксюморон, ироническая метафора, метонимия и синекдоха, иронические хиазм, аллюзия, перифраза, рефрен, эллипсис, параллелизм, сравнение, кардинальная трансформация фразеологизмов и использование гиперболизированной формы множественного числа. Из каламбурных средств выражения иронии, которые уступают в частотном отношении некаламбурным (и это еще одна идиостилевая черта), Тэффи использует единицы языка и речи (прежде всего лексические и лексико-грамматические) как с тождественным, так и сходным планом выражения. Особенности идиостиля проявляются в том, что в качестве лексической основы семантизированных каламбурных высказываний и фрагментов текста чаще используется полисемия, узуальная и окказиональная омонимия (омоформия практически не встречается), а из лексических и лексико-фонетических средств экспликации фонетизированных каламбуров Тэффи предпочитает узуальную и окказиональную параномазию, реже – омофонию. Атракции оппозитивов, составляющих другие разряды каламбурообразующих лексических единиц со сходным планом выражения (паронимов, однокоренных синонимов и однокоренных антонимов), в юмористических текстах Тэффи встречаются крайне редко. Из приемов создания иронического каламбурного эффекта автор преимущественно использует амфиболию и буквализацию фразеологизмов.

Вторую группу составляют вспомогательные средства создания иронического речевого колорита: имитация детской речи, прием речевого саморазоблачения, цитация, макароническая речь, разговорно-просторечная фразеология, просторечные слова и устаревшие грамматико-орфоэпические варианты, «говорящие» и пародийные фамилии. Эти средства, в отличие от элементов первой группы, сами по себе не являются приметами идиостиля, но активно способствуют успешной реализации стилистических функций основных юморообразующих средств.

¹¹ Жириновский дореволюционной России: скандалист Думы, черносотенец и любимец Цветаевой Владимир Пуришкевич [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/181219/44951> (дата обращения: 09.01.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Эстетический и анти-эстетический аспекты комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 5–17.
2. Губайловский В. Собеседник // Дружба народов. 2003. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/6/gub.html> (дата обращения: 09.01.2022).
3. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? Еще раз о некоторых особенностях иронии // Жанры речи. 2013. № 1(9). С. 75–81.
4. Козинцев А. Г. Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 238–253.
5. Николina Н. А. К вопросу о речевых средствах иронической экспрессии и ее функциях в художественной речи // Русский язык в школе. 1979. № 5. С. 79–85.
6. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наук. думка, 1989. 128 с.
7. Шилихина К. М. Современные теории иронии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 228–230.
8. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 45–52.
9. Яковенко Т. И. Ирония как имплицитное содержание онимических единиц // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 85–91.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Aesthetic and anti-aesthetic aspects of comedy. *Logicheskii analiz yazyka*.

Yazykovye mekhanizmy komizma = Logical analysis of language. Language mechanisms of comedy. Moscow: Indrik, 2007. P. 5–17. (In Russ.)

2. Gubailovsky V. Interlocutor. *Druzhba narodov = Friendship of peoples*. 2003;6 [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/6/gub.html> (accessed: 09.01.2022). (In Russ.)

3. Ermakova O. P. Is irony a speech genre? Once again, about some features of irony. *Zhanry rechi = Speech genres*. 2013;1(9):75–81. (In Russ.)

4. Kozintsev A. G. Humour: before and after the irony. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma = Logical analysis of language. Language mechanisms of comedy*. Moscow: Indrik, 2007. P. 238–53. (In Russ.)

5. Nikolina N. A. To the question of speech means of ironic expression and its functions in artistic speech. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1979;5:79–85. (In Russ.)

6. Pokhodnya S. I. Language types and means of implementing irony. Kiev: Sciences dumka, 1989. 128 p. (In Russ.)

7. Shilikhina K. M. Modern theories of verbal irony. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2010;1:228–230. (In Russ.)

8. Shkitskaya I. Yu. The Phenomenon of verbal irony and its functions in the discourse of manipulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2019;440:45–52. (In Russ.)

9. Yakovenko T. I. Irony as the implicit content of onymic units. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2011;3:85–91. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент

Oleg E. Voronichev, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 22.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 15.03.2022.